

Певец страдания и свободы

Очерки из жизни М. Ю. Лермонтова
(из книги Ал. Алтаева «Поэты юности»)

I

В доме нелады

— Никшни¹, Мишенька, песенку спою:

Щипу, щипу по ягодку,
По чёрную смородинку,
Батюшке в стаканчик,
Матушке в рукавчик...

— Утёр слёзки, соколик? А гляди, вон и маменька идёт! Ишь, ангел Божий, и дождя-бури не боится!

Красивая мамка Лукерья откидывает белую кисейную с мушками занавеску, чтобы показать двухлетнему мальчику на дворе его мать. Ребёнок тянется к стеклу...

Какой это жалкий ребёнок с кривыми ножками и большой головой, форма которой ясно говорит о худосочии² и предательской английской болезни³... Несторожное движение вызывает боль во всём его теле; рубашка прилипает к расчесанному струпу⁴ золотухи⁵, и Миша заливается тоненьким, жалобным плачем... Лукерья в отчаянии и пробует утешить его прежними прибаутками:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На пороге поскакивала,
Гостей посматривала:
Не едут ли гости?
Не везут ли гостинцы?

Эту старую песенку Миша знает ещё с тех пор, как мамка Лукерья кормила его грудью и укачивала в колыбельке. И улыбка уже трогает губы мальчика... И глаза у него делаются весёлые, полные пытливой мысли, живые чёрные глаза.

— Дождь, — говорит он и стучит пальцами по стеклу, зовя мать.

За окном сеет частый осенний дождь. Серое небо низко повисло над невзрачными строениями служб городской усадьбы. В эту пору кажется, будто двор совсем вымер: все попрятались по своим углам; только изредка из кухни к погребу промчится босоногая девчонка да лениво сметает воду из луж дворник в промокшем насквозь сермяжном⁶ кафтане⁷; издали, с гумна⁸, слышатся мерные удары цепов⁹: там молотят.

1 Никшни — замолчи (простонародное).

2 Худосочие — общее истощение организма.

3 Английская болезнь — ракит.

4 Струп — сухая корочка на заживающей ране.

5 Золотуха — диатез или одна из форм туберкулёза, сопровождающаяся воспалением лимфоузлов и кожи при них.

6 Сермяжный — из грубого некрашеного сукна.

7 Кафтан — долгополая мужская верхняя одежда.

8 Гумно — огороженный участок земли в крестьянском хозяйстве, предназначенный для хранения, молотьбы, веяния и другой обработки зерна.

9 Цепы — примитивные орудия для обмолота.

И одиноко вырисовывается среди двора молодая женщина в богатом салопе¹⁰, намокшем от дождя. В торопливой походке её чувствуется усталость; позади неё на почтительном расстоянии шествует мальчик-казачок, неся ящик с лекарствами.

Молодая дама останавливается, оборачивается к окну и смеётся, слыша стук нетерпеливых детских пальчиков. Бледное лицо её улыбается; она кивает мальчику головой и ускоряет шаги...

Через минуту Миша уже висит на шее у матери, щекочет её под рукою и лепечет знакомые слова прибаутки:

— Тут болото...

Тут студёная водица...

Мамка Лукерья уходит. Они остаются вдвоём. Им хорошо вместе, хорошо и тогда, когда приходит в детскую бонна¹¹ Христина Осиповна Ремер в своём большом чепце, из-под которого выглядывает добре лицо с глазами, ясными, как у ребёнка. Эта кроткая, милая немка приставлена к маленькому Мише с октября 1814 года, когда он только что родился; она безгранично любит его. Христина Осиповна одевает мальчика, с немецкой щепетильностью застёгивая все пуговки и оправляя все складочки его детского платьица с коротенькими рукавчиками и большим вырезом, и делает это так осторожно, чтобы не задеть больных мест на золотушной коже, и докладывает, сколько сшито крепостными швейми для Миши новых рубашечек. Но мать мальчика, Марья Михайловна, слушает рассеянно; лицо её очень печально, она думает о тяжёлой совместной жизни с мужем, и на сердце у неё камень.

В последнее время муж всё реже и реже бывает дома, он мрачен, озлоблен, постоянно уезжает за двенадцать вёрст¹² от имения Тарханы в уездный город Чамбары, а частенько и дальше, за сто двадцать вёрст, в Пензу, и тогда уж надолго... А когда он бывает дома, в Тарханах, он ни с кем не разговаривает. Куда девалась его открытая улыбка, его заразительный смех? И всё это случилось за такое короткое время...

— А какими прошивками прикажет Frau обшить другие рубашечки для Мишеньки?

Марья Михайловна вздрагивает и смотрит на немку усталым печальным взглядом. Та сердцем угадывает её мысли и тихо говорит:

— Юрий Петрович на крыльце прошли... скоро обед...

Марья Михайловна взволнованно встаёт... Боже мой, быть может, он уже забыл свою утреннюю ссору с её матерью?

А Христина Осиповна со вздохом сочувствия к бедной Frau одевает Мишу.

В столовой подан обед. На столе ослепительной белизною сияет тяжёлая камчатная скатерть и блестит серебро. День тусклый, и в канделябрах горят свечи. Лакеи двигаются, как тени, неслышно ступая и стараясь угадать желания господ.

Муж Марии Михайловны, Юрий Петрович Лермонтов, сегодня весел. Со свойственной ему незлобивостью он уже забыл утреннюю стычку с тёщей,

10 Салоп — широкое женское пальто.

11 Бонна — воспитательница-иностраница.

12 Верста — русская мера длины, равная 1,06 км.

13 Камчатая — из старинной шёлковой узорчатой ткани.

одну из вечных стычек из-за хозяйства, и лицо его кажется беззаботно весёлым, каким его давно не видели в Тарханах.

Через три дня день рождения Миши, в Тарханах будет весёлый праздник, и ему приятно об этом думать. Перед обедом он ласкал сына, таская его на плечах и вторя его звонкому детскому смеху, и Миша успел достаточно-таки растрепать красивые белокурые волосы отца.

После жаркого Юрий Петрович сказал небрежно одному из слуг:

— Борзую Искру вели завтра же привезти из деревни Михайловской, от егерей.

— Слушаю.

— И чтоб было всё в порядке. Понял?

— Понял-с.

Юрий Петрович вздрогнул от неторопливого властного голоса:

— А тебе это на что Искру, Жорж?

На него пристально смотрели холодные глаза тёщи, в строгих чертах её, казалось, мелькнула тень лёгкой насмешки и враждебности.

— А на что, я говорю, тебе Искра, сударь?

— Maman, но ведь Жорж ещё давеча объяснял Вам, — вмешалась робким голосом Марья Михайловна и вся зарделась, — он обещал Искру сестрице Катеньке...

— А у тебя, матушка, не спрашивают! В Кропотовке у сестриц Жоржа, поди, своих борзых немало!

Марья Михайловна, глотая слёзы, взяла с блюда у обносившего её лакея¹⁴ кусок дымящегося пудинга¹⁵.

— Рука дрожит у тебя, Marie, — сердито заметила ей мать. — Не моя, не Столыпинская, видно, в тебе кровь, — прибавила она по-французски, — мы умели никого не бояться, гордые были, а ты мужа, как грозы, боишься. На что же тебе Искра, сударь мой?

— Marie Вам уже сказала, maman, я её сестре обещал.

Голос Юрия Петровича звучал глухо. Глаза тёщи, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, смотрели на него с вызовом.

— Вон как! Ты обещал. А я решила собаку послать братцу своему, Афанасию Алексеевичу.

Воцарилось гробовое молчание.

— Архип, — прозвучал снова голос Елизаветы Алексеевны, — прикажи Искру отвезти Афанасию Алексеевичу в саратовскую вотчину¹⁶.

Она даже не повела бровью, когда услышала шум отодвигаемого стула зятя. Юрий Петрович вышел, не дождавшись конца обеда...

— Видно, вежливость нынче не в моде у петербургских слётков¹⁷, — со вздохом заметила Елизавета Алексеевна.

Марья Михайловна ничего не ответила, только низко наклонила к тарелке бледное лицо с полными слёз глазами.

Она знала, что теперь будет делать её муж. Вот он стоит у себя в кабинете возле окна с нахмуренными бровями, его красивое лицо сумрачно, прекрасные глаза мечут искры, грудь высоко поднимается... Он думает о целом ряде

14 Лакей — слуга.

15 Пудинг — запеканка из крупы с фруктами, сластями и другими приправами.

16 Вотчина — родовое, наследственное земельное владение.

17 Слёток — молодая птица, только что начавшая вылетать из гнезда.

унижений, уколов самолюбию, о столкновениях с богатой властолюбивой тёщей, которые совершенно отравили его существование.

Вот он барабанит пальцами по стёклам окна, смотрит уныло на стекающие по ним потоки дождя и думает, думает... Конечно, его положение очень тяжёлое. Ему, наверное, вспоминается в эту минуту всё прошлое, вспоминается, как три года тому назад он, отставной офицер, блестящий петербургский красавец, встретил у соседей в тульском имении гостившую там пышную помещицу Елизавету Алексеевну Арсеньеву с молоденькой семнадцатилетней дочкой; девушка была бледная, болезненно-хрупкая, но грациозная, с мягким взглядом лукавых глаз.

Юрий Петрович вспомнил, как сёстры его, живущие вместе с ним в небольшом имении Кропотовке, стали ему рисовать блестящие перспективы весёлой жизни, если он женится на дочери Арсеньевой, и говорили об этом до тех пор, пока ему самому не стало казаться, что он любит девушку, и брак с нею для него — счастье. И он был счастлив, когда его предложение было принято: Марья Михайловна с необычным для неё упрямством объявила, что решила во что бы то ни стало выйти замуж за Лермонтова.

Ей пришлось выдержать сильную бурю. И, согласившись на свадьбу единственной боготворимой дочери, гордая помещица дала ясно понять бедному жениху, что для него брак с Marie — великая честь.

Юрий Петрович был назначен управляющим имениями тёщи и с этих пор, утратив самостоятельность, должен был смотреть из её рук. И тёща постоянно давала чувствовать ему его бедность, ничтожество и зависимость от неё, создавая постепенно атмосферу вражды между зятем и дочерью.

Юрий Петрович был в Тарханах подневольным. Даже собственного сына он не посмел назвать так, как ему хотелось. Исстари велось, что в роду Лермонтовых сыновья носили имена или Юрия, или Петра; Елизавета Алексеевна потребовала, чтобы внука её назвали в честь dela Михаилом. Пришлось подчиниться...

Богатая родня постоянно жужжала в Тарханах о неравенстве брака «бедняжки Marie» с «этим Лермонтовым» и спрашивала, есть ли в Кропотовке барский дом, и не живут ли там Лермонтовы в крестьянской избе... Вздохи и охи заставляли Марью Михайловну действительно чувствовать себя несчастной. Напрасно она пробовала защищать мужа и, сражаясь с многочисленными кузинами, тётушками и дядюшками их же оружием, говорила, что род Лермонтовых происходит от древней шотландской фамилии, рано переселившейся в Россию, — тётушки продолжали качать головами и жалеть бедную Marie.

А Елизавета Алексеевна подливала масла в огонь. Она вечно ревновала дочь к мужу и находила, что «жестокий человек» не умеет ценить это сокровище — Marie, и донимала зятя упрёками, колкостями, сценами. Результатом этого были вечные ссоры между супругами. Была даже короткая пора, когда Юрий Петрович поступил в ополчение, только бы избавиться от семейного ада. Проще всего было бы взять жену и сына и уйти в бедную Кропотовку, отказавшись от благодатей тёщи, но у него не хватало характера, и он продолжал уныло гнуться под ярмом...

Марья Михайловна знала, что в минуты тоски и обиды вся эта история выплыvala в душе мужа...

Через несколько минут по дому раскатился его грубоватый отрывистый окрик:

— Сенька! Тишка! Архип! Черти! Эй, кто там есть? Запрягайте шарабан¹⁸: в Чебоксары еду!

Хлопали двери по всему дому, бегали слуги, раздражённый голос Юрия Петровича звучал уже на дворе... А в девичьей и по всем уголкам огромного тарханского дома шелестели шёпоты и вздохи:

— Оо-ох, гроза! Ax, уж и гроза!

— Осерчал!

— И куда в Чебоксары, на ночь глядя, ехать задумал?

— А Марья-то Михайловна, болезная, поди, слезами разливается...

— Грозна барыня Елизавета Алексеевна, а его жаль: барин он добрый, горячий, а отходчивый...

Через полчаса Юрий Петрович, ни с кем не простившись, вскакивал в шарабан, а Марья Михайловна, услышав стук отъезжающего экипажа, билась в нервном припадке...

18 Шарабан — лёгкий, обычно двухколёсный экипаж.